

Первый день прошел в борьбе с голодом и холодом. Спасением — или, вернее, источником еще большего унижения — стала та самая половина лепешки, да крохи достоинства, что еще теплились в душе Мэй Вана, некогда могущественного Повелителя призраков.

Однако на второй, на третий день... Время перед лицом голода растянулось до бесконечности, и каждое мгновение превращалось в пытку.

Фраза о том, что за три дня можно проголодаться девять раз, вовсе не была преувеличением — это была суровая реальность Мэй Вана. Энергия, полученная от той половины лепешки, давно иссякла. Желудок сводило от пустоты, а жгучее чувство голода едва не лишало его рассудка. Холод проникал повсюду. Осень вступала в свои права, и по ночам мост превращался в ледяной склеп. Тонкий халат не спасал от стужи, и ему приходилось сжиматься в комок в углу, пытаясь согреться лишь дыханием и растиранием оковевших пальцев. Тело неконтролируемо дрожало, а лицо приобрело мертвенную бледность.

Холод... Голод... Эти слова крутились в голове, словно проклятие. Вспомнить только, как в Царстве призраков он не ведал ни зноя, ни стужи, а питаясь лишь ветром и росой, мог поддерживать дух в вечности... А теперь эта брменная плоть доставляет столько хлопот!

Еще больше раздражало то, что остатки его былой силы, казалось, ополчились против него. Из-за крайней слабости тела, истощения крови и жизненных сил, а также из-за того, что дух был надломлен голодом и унижением, управлять этой мощью стало невозможно — она металась, как дикий зверь. Несколько раз он пытался направить крохи духовной энергии по меридианам, чтобы согреться, но всякий раз попытки заканчивались либо полным провалом, либо едва не приводили к сбою дыхания, отчего становилось только хуже.

Будь проклято это тело! И эти проклятые законы мира! — мысленно рычал он. — В мире призраков даже с десятой долей силы я мог бы питаться лунным светом и иньской энергией, разве дошел бы я до такого? Кажется, здешняя духовная энергия совершенно несовместима с силой преисподней, и преобразовывать ее невероятно трудно, особенно когда он так слаб.

Физическую боль еще можно было терпеть, но злоба окружающих вонзалась в его израненную душу, словно град в догорающую свечу, раз за разом испытывая остатки его терпения.

Днем он вынужден был бродить вокруг моста, пытаясь найти хоть что-то съедобное или... снова отбросить проклятое достоинство и просить милостыню. Но удача была не на его стороне.

Однажды он увидел, как ребенок случайно уронил на землю только что купленную засахаренную боярышницу. Ярко-красные ягоды в блестящей глазури показались Мэй Вану невероятным соблазном. Он, сам не зная зачем, подошел ближе — даже если они испачкались в пыли, это лучше, чем умереть с голоду.

Однако стоило ему наклониться, как мать ребенка с криком бросилась вперед, закрыла дитя собой и, глядя на него с таким отвращением, словно перед ней была навозная муха, визгливо закричала:

— Убирайся! Грязный нищий! Что ты задумал? Не смей трогать вещи моего ребенка!

Нищий? Грязный? Протянутая рука Мэй Вана замерла в воздухе, а в голове вспыхнула ярость. Я... я просто хотел... Он стиснул зубы, чтобы не выкрикнуть: Я убью тебя! Встретившись взглядом с предельным презрением женщины и почувствовав на себе косые взгляды прохожих, он в конце концов промолчал. Выпрямившись, он, пошатываясь, побрел прочь. Со стороны его спина выглядела жалко, но лишь он сам знал, какая буря бушевала внутри.

Был и другой случай. Он до того изголодался, что, увидев бродячую собаку, грызущую выброшенную кем-то кость с остатками мяса, почувствовал постыдное желание отобрать ее. Он даже невольно сглотнул слюну.

Нет! Ни в коем случае! — отчаянно взывал к нему разум. — Я лучше умру, чем стану бороться за еду с животным! Если это станет известно... нет, этого нельзя допустить! Он заставил себя отвести взгляд, хотя желудок скрутило от смеси голода и тошноты.

Самый тяжелый момент, едва не лишивший его контроля, настал в полдень третьего дня. Ослепленный голодом, он добрел до оживленного перекрестка и увидел толстого мясника, который только что закончил торговлю и теперь с аппетитом жевал сочный мясной пирог. Для измученного Мэй Вана этот аромат стал невыносимой пыткой.

Его взгляд был слишком пристальным, что не укрылось от мясника. Увидев лохмотья и безумные глаза бродяги, тот не только не проникся жалостью, но и, решив, что это дурной знак, схватил со стола кусок окровавленного жира и швырнул в него, как мусор:

— Чего уставился? Вонючий попрошайка! На, подавись, и проваливай подальше, не мешай мне торговать!

Жирный, грязный кусок мяса с глухим звуком шлепнулся в пыль у ног Мэй Вана. Воздух словно застыл.

Мэй Ван опустил голову, глядя на лежащий кусок, и его тело задрожало. Не от холода — от неистового гнева и унижения! Кровь ударила в голову, в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли черные круги.

Он... он посмел... такой вещью... унижить меня?!

Жалкий мясник... насекомое! Ничтожество!

Убить его... разорвать... превратить в кровавое месиво!

Жестокие мысли, словно ядовитые змеи, впились в его сознание. Осколки былой силы, которые до этого невозможно было призвать, всколыхнулись от ярости. Ледяная, яростная аура неконтролируемо вырвалась наружу. Температура вокруг заметно упала, а пыль на земле закружилась в вихре.

Мясник, еще секунду назад брезгливо ухмылявшийся, внезапно почувствовал могильный холод. Он увидел, что с этим нищим что-то не так... этот взгляд... такой страшный, будто перед ним демон, выбравшийся из преисподней! Мясник инстинктивно отступил на шаг и, пытаясь скрыть испуг, рявкнул:

— Ты... что задумал? Драки ищешь?

В этот момент мимо проходил патруль городской стражи. Мясник, увидев спасение, закричал:

— Господа воины! Здесь нищий буянит!

Стражники обернулись. Этот крик стал последней каплей, которая переломила напряженные нервы Мэй Вана и заставила остатки его рассудка проснуться.

Нельзя нападать!

Если я применю силу здесь, то выдам себя и погибну!

Он собрал все силы, чтобы силой подавить рвущуюся наружу ярость! От чрезмерного напряжения в горле стало солоно, к губам подступила кровь, но он с трудом ее проглотил. Он резко развернулся, перестал смотреть на мясо и на людей и, почти сбегая, бросился в темный переулок, пока шум улицы не стих за спиной.

Прислонившись к холодной влажной стене, он тяжело дышал, со лба градом катился холодный пот, а ноги подкашивались от истощения и последствий подавленного гнева.

Чуть не сорвался... — сердце бешено колотилось. В тот миг он ощутил, как балансирует на краю бездны, и желание уничтожить всё вокруг едва не поглотило его.

Голод, холод, унижение, угроза потери контроля — все эти чувства сплелись воедино, загнав его в тупик. Его взгляд был то пустым, то безумным, то ледяным. Остатки его силы ворочались внутри, словно запертый в клетке зверь, готовый в любой момент сорваться с цепи.

Он поднял голову и посмотрел на серое небо сквозь узкую щель между домами.

Если так пойдет и дальше... он не знал, сколько еще сможет продержаться.

Возможно, в следующий раз, когда унижение повторится, а голод окончательно разрушит его разум, тот зверь, что носит имя Мэй Ван, перестанет подчиняться любым оковам.